

Александр Кестер

12+

Кратковременная память

Александр Кестер

Кратковременная память

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кестер А. Н.

Кратковременная память / А. Н. Кестер — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Это рассказ – приглашение вглубь юности, воспоминания о школьной жизни. О времени, когда необъяснимым образом параллельные линии не только пересекаются, но сталкиваются, меня траектории друг друга, расходятся, скрещиваются, а порой и сливаются воедино, навсегда. Это мы и называем – судьбой.

Её звали Аня. Просто имя, просто девочки из 4 «А». Были в классе и симпатичней, и задорней, были и умней. Школа только открылась, первый набор, и все мы друг для друга – «новенькие». Новые стены, новые лица, характеры, учителя. Присматривались друг к другу, дружились, приспособлялись к обстановке.

Самостоятельная жизнь в то время начиналась у школьников после третьего класса. Мы выходили из-под опеки учителя начальных классов и с азартом голодного зверя устремлялись на поиски впечатлений. Учёба на новом месте как-то сразу не задалась. На зимние каникулы я ушёл с кучей троек, двойкой в четверти по русскому языку и со шрамом под левым глазом.

Глаз я подбил, когда догонял Аню на перемене. Уроки по русскому и литературе проходили в кабинете физики. Учительский стол был широкий длинный, массивный и стоял на возвышении. Об угол этого монстра я и ударился. Играя с Аней в догонялки так увлекся, что не вписался в поворот и на всей мальчишеской скорости приложился глазом к углу. Крови было немного. Меня скрутило от боли, но я не заплакал и не впал в истерику. Прозвенел звонок. Ребята разбежались по местам. Аня сунула мне в руку носовой платок, и я прошмыгнул в подсобку. На моё счастье дверь была открыта. Помимо различных приборов для опытов и плакатов там был умывальник. Я смачивал платок прохладной водой, прикладывал к ушибленному месту и надрывно стонал про себя. Кровь остановилась, боль стихла, урок закончился.

На перемене в подсобку вбежали ребята. Я силился быть непринуждённым, улыбнуться. Алла Петровна, наша училка по литре и русишу, про меня даже не вспомнила, хотя портфель стоял возле парты. Забрав его, я ушёл домой.

На маму было больно смотреть: бледная, в замешательстве от переполнявших её эмоций – ругать или плакать, она обработала мне рану. Кожу я рассёк в сантиметре от глаза. Повезло.

Кроме этого случая, Арины Родионовны, о влиянии на творчество Пушкина которой с особой тщательностью рассказывала учительница, и не сложившихся отношений с языком, с уроков русского и литературы я за всё время учёбы в школе больше ничего не вынес. Двойку к концу 4-го класса я исправил на твёрдую тройку, а вот с литературой у меня сложились особые отношения. Произведения по программе если и читал, то «по диагонали», для оценки. Интересы мои лежали совершенно в другой области. Так до выпускного и повелось, за сочинение: по литературе «пять», за русский «уд». Русский язык был для меня сродни математике и прочим точным наукам, для сдачи которого я использовал кратковременную память: начитывал перед экзаменом или контрольной, сдавал и тут же благополучно всё забывал.

Умение схватывать содержание произведения «на лету» и с лёгкостью писать сочинения у моих родителей вызывало тихий трепет и удивление. С одной стороны мама радовалась, что за сына писать не придётся (это она поняла уже в третьем классе), с другой – удивлялась: откуда в отпрыске эти таланты, если они с отцом технари с высшим образованием. Тем не менее, как многие интеллигентные семьи, вначале 70-ых мои родители активно включились в расширение семейной библиотеки за счёт сдачи макулатуры и подписки на многотомные издания. Так в нашем доме появился Александр Дюма. Полка с его произведениями и стала местом моего первого литературного паломничества.

На уроках литературы и русского было невыносимо скучно. Учительница была настолько чем-то поглощена, что мы благополучно могли положить голову на парту и дремать. Подбитый глаз и связанные с этим неприятные ощущения охолонили мой пыл гоняться за девочками на перемене. Решение, чем это компенсировать пришло неожиданно.

Кому-то из моих предков на день рождения подарили томик Омара Хайяма «Рубаи». Сборник этих стихотворных афоризмов стал на долгое время для меня не просто настольным, а источником живой мысли. Первое время я с ним не расставался. Книжка нашла себе пристанище в моём портфеле и помогала оживить тяготию, которую разводила Алла Петровна на своих уроках.

Прочитав очередное изречение персидского философа, я задумался, захотелось поделиться с Аней. Я вырвал из тетради лист, разорвал его аккуратненько на четыре части, быстренько переписал строки на листочек бумаги, и отправил эту записку по назначению. Прозвенел звонок, и мы разошлись по домам. Ответ я получил на следующий день. Он меня обескуражил.

Первым в тот день был урок физкультуры. Вторым – литература. В блаженной истоме после игры в волейбол, под монотонное бормотание Аллы Петровны себе под нос, я приготовился погрузиться в мир юношеских грёз. Меня легонько тронули за плечо и передали записку от Ани. В ней я обнаружил незнакомые для себя строки, это явно были строки из какого-то стихотворения. Мозг замер. Отрывок поразил меня не только мелодичностью, но и волной мыслей и чувств, которые он во мне вызвал. Должен признать, что заложенную в школьную программу поэзию мой ум воспринимать отказывался напрочь: ну не видел я всего того, что должен был научиться видеть школьник после старательных объяснений учителя. Единственное место, где в литературе я мог быть самим собой, это сочинение, именно поэтому я всегда выбирал свободную тему, на этом пятёрку за предмет и вытягивал.

С Аней мы так переписывались до восьмого класса, используя строки из произведений поэтических и прозы. А те строки, что она мне прислала в ответ, принадлежали Цветаевой. По какому-то негласному соглашению мы обменивались только цитатами из произведений вне школьной программы. Благодаря Ане я проникся поэзией, научился видеть в ней чувства, мысли и образы. Не всегда её посыл воспринимался мной однозначно, и наоборот, но как я позднее понял и прочитал у Федора Тютчева: «Нам не дано предугадать, //Как слово наше отзовется...», и хотя дальше говорить про сочувствие, благодать, – для меня эти строки стали символом настоящего искусства – многогранного, неоднозначного.

После восьмого класса нас перетасовали и, хотя с Аней мы остались в одном классе, что-то изменилось. Девочки вообще взрослеют быстрее. Практически сразу по окончании школы она вышла замуж, родила. Я поступил в политехнический институт, стал технарём.